

К концу наполеоновских войн Англии почти вполне удалось разорить крупную промышленность, народившуюся во Франции в конце восемнадцатого века. Она стала владычицей морей и не имела серьезных конкурентов. Пользуясь этим положением, чтобы монополизировать обрабатывающую промышленность, и заставляя своих соседей покупать по какой ей угодно было цене товары, производившиеся ею одною, Англия стала накапливать богатства за богатствами и сумела извлечь из своего привилегированного положения и связанных с ним преимуществ большую выгоду.

Но когда буржуазная революция в конце восемнадцатого века уничтожила крепостное право и создала во Франции пролетариат, крупная промышленность, временно приостановленная в своем росте, начала развиваться с новой силой, и уже со второй половины девятнадцатого века Франция перестала зависеть от Англии в отношении продуктов фабричного производства. В настоящее время она в свою очередь сама ведет вывозную торговлю, продавая за границу больше чем на полтора миллиарда товаров, из которых две трети состоят из материй. Число французов, работающих на вывоз или живущих внешнею торговлею, определяется приблизительно в три миллиона.

Таким образом, Франция перестала быть зависимой от Англии и в свою очередь начала стремиться монополизировать некоторые отрасли внешней торговли, как, напр., торговлю шелковыми материями и готовым платьем. Она получила от этого огромную выгоду, но в настоящее время ей уже грозит опасность утратить навсегда эту монополию, подобно тому как Англия теряет монополию производства бумажных тканей и даже бумажной пряжи.

В своем движении по направлению к востоку промышленность развилась затем в Германии. До войны 1870-71 года Германия получала большую часть продуктов крупной промышленности из Англии и из Франции. Теперь дело стоит совершенно иначе: в течение последних пятидесяти лет Германия совершенно преобразовала свою промышленность. Фабрики ее снабжены самыми лучшими машинами и дают самые новые произведения промышленного искусства - манчестерские бумажные ткани и лионские шелка. Тогда как для изобретения и усовершенствования какой-нибудь современной машины в Лионе или в Манчестере потребовалось бы два или три поколения рабочих, Германия берет эту машину уже готовую. Технические школы, приспособленные к потребностям промышленности, доставляют для ее фабрик целую армию знающих рабочих, инженеров-практиков, умеющих работать как руками, так и теоретически. Немецкая промышленность начинает свое развитие с той точки, до которой Манчестер и Лион дошли после пятидесятилетних усилий, опытов и исканий, а потому быстро развивается.

В результате, имея возможность производить то же самое у себя дома, Германия с каждым годом уменьшает свой ввоз товаров из Франции и Англии. Она уже соперничает с ними в вывозе в Азию и Африку и даже более того: на самом парижском и лондонском рынках Близорукие люди могут, конечно, возмущаться Франкфуртским договором, заключенным между Франциею и Германиею после поражения Франции, могут объяснять немецкую конкуренцию маленькой разницей в железнодорожных тарифах или тем, что немец работает «задаром», - т. е. останавливаться на второстепенных сторонах вопроса; но при этом они упускают из виду великие исторические факты.

Несомненным остается то, что крупная промышленность, составлявшая когда-то привилегию Англии и Франции, подвинулась по направлению к востоку. В Германии